

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 23, № 2

лето
2026

Выпуск 65

Журнал основан в 2004 году

Учредитель:

ФГБУН «Институт восточных
рукописей РАН»

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций

Свидетельство ПИ
№ ФС77-78987 от 14 августа
2020 г.

Подписной индекс
АО «Почта России» ПП114

Периодичность издания
4 раза в год

ISSN 1811-8062

Языки издания:
русский, английский

12+

Санкт-Петербург
ИВР РАН
2026

Редакционная коллегия

Главный редактор чл.-корр. РАН **И.Ф. Попова** (ИВР РАН)
Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (ИВР
РАН)

Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (ИВР РАН)

д.и.н. **А.К. Аликберов** (ИВ РАН)

акад. РАН **В.М. Алпатов** (ИЯ РАН)

к.ф.н. **С.М. Аникеева** (Изд-во «Наука»)

акад. РАН **Б.В. Базаров** (ИМБТ СО РАН)

д.филос.н. **С.Л. Бурмистров** (ИВР РАН)

д.и.н. **Р.М. Валеев** (КФУ)

проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская гос. библиотека)

О.В. Васильева (Российская нац. библиотека)

акад. РАН **А.П. Деревянко** (ИАЭТ СО РАН)

к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (ИВР РАН)

д.и.н. **А.И. Колесников** (ИВР РАН)

акад. РАН **Н.Н. Крадин** (ИИАЭ ДВО РАН)

акад. РАН **А.Б. Куделин** (ИМЛИ РАН)

д.ф.н. **И.В. Кульганек** (ИВР РАН)

д.и.н. **А.Н. Мещеряков** (ИКВИА, ВШЭ)

проф. **Не Хунъинь** (КНР, Академия тангутоведения, ун-т
Нинся)

д.филос.н. **Е.П. Островская** (ИВР РАН)

к.и.н. **С.М. Прозоров** (ИВР РАН)

проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский
ун-т)

акад. РАН **А.В. Смирнов** (ИФ РАН)

проф. **Таката Токио** (Япония, Токио, Тоё Бунко)

член-корр. РАН **И.В. Тункина** (СПбФ АРАН)

д.и.н. **С.А. Французов** (ИВР РАН)

член-корр. РАН **Д.В. Фролов** (МГУ им. М.В. Ломоносова)

к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (ИВР РАН)

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ФИЛОЛОГИЯ

Ю.А. ИОАННЕСЯН. Сийар ас-Сулук Саййида Казима Рашти.
Перевод с арабского и персидского. Часть 3

5

ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ФИЛОЛОГИЯ

Я.А. БАЛАШОВ. Тексты Кедорлаомера в свете новых открытий. Часть 1

21

С.Л. БУРМИСТРОВ. Исследования теории познания *мадхьямаки*
в российской буддологии XIX — начала XX в.

44

Е.В. ТАНОНОВА. Семантическое поле «бессмертия» в литературе тамильских сиддхов:
диахронный лексический анализ

59

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

ТЕКСТОЛОГИЯ, КОДИКОЛОГИЯ, ПАЛЕОГРАФИЯ, АРХЕОГРАФИЯ

В.М. РЫБАКОВ. Анализ старокитайской административной терминологии
как новое научное направление

78

Т.В. КЛЕМЕНТЬЕВА. Божества аграрного культа в сочинении Ин Шао 應劭 «Фэнсу тунь»
風俗通義 («Проникновение в смысл веяний и обычаев»)

91

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

И.В. ЗАЙЦЕВ. Тарих крепости Варны (1233/1817-18) из собрания
Российского этнографического музея и его автор Иззет-молла (1786–1829)

104

С.С. САБРУКОВА. Человек и ландшафт в дневнике Б. Барадийна «Амдо-Монголия»
(1905–1907): от описания маршрута к комплексному анализу региона

111

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А.М. СМЕРНОВА. Конференция памяти О.Ф. Акимушкина
(Санкт-Петербург, 18 февраля 2026 г.)

122

РЕЦЕНЗИИ

Начальное обучение юных отроков (Тонмон сонсып) / публ. текста, пер. с ханмуна,
коммент. и указ. Ю.В. Болтач; вступит. статья Ю.В. Болтач и Е.Н. Кондратьевой /
Институт восточных рукописей РАН. — СПб.: ИД «Гиперион»,
2025. — 288 с. (*Е.П. ОСТРОВСКАЯ*)

127

Мешезников А.В. Буддийские санскритские рукописи Сериндии / Ин-т восточных рукописей
РАН. — М.: Наука — Вост. лит., 2025. — 271 с. (*С.Х. ШОМАХМАДОВ*)

131

На четвертой стороне обложки: Ил. 1 к статье Е.В. Таноновой

ИВР РАН, Индийский фонд. Шифр Ms. Ind. X, 12. Cattaimuni Kāyakaḥpaṃ Nūḡu
(«Каякальпа Саттеймуни в ста [строфах]»)

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

The Institute of Oriental Manuscripts
(Asiatic Museum)

PIS'MENNYE PAMIATNIKI VOSTOKA

Founded in 2004
Issued quarterly

Volume 23, No. 2

summer

2026

Issue 65

Editorial Board

Editor-in-Chief **Irina F. Popova**, Corresponding Member of RAS (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

Deputy Editor-in-Chief **Tatiana A. Pang**, Ph.D. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

Secretary **Elena V. Tanonova**, Ph.D. Sci. (Phil.), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

Alikber K. Alikberov, Dr. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Studies RAS, Moscow

Vladimir M. Alpatov, Member of RAS (Phil.), Institute of Linguistics RAS, Moscow

Svetlana M. Anikeeva, Ph.D. Sci. (Phil.), Nauka Publishers, Moscow

Boris V. Bazarov, Member of RAS (Hist.), Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS, Ulan-Ude

Sergey L. Burmistrov, Dr. Sci. (Philosophy), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

Anatoly P. Derevyanko, Member of RAS (Hist.), Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk

Serge A. Frantsouzoff, Dr. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

Dmitrii V. Frolov, Corresponding Member of RAS, Moscow State University

Youli A. Ioannesian, Ph.D. Sci. (Phil.), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

Aliy I. Kolesnikov, Dr. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

Nikolay N. Kradin, Member of RAS (Hist.), Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS, Vladivostok

Alexander B. Kudelin, Member of RAS, Institute of World Literature RAS, Moscow

Irina V. Kulganek, Dr. Sci. (Phil.), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

Alexander N. Meshcheryakov, Dr. Sci. (Hist.), Institute for Oriental and Classical Studies, HSE University, Moscow

Nie Hongyin, Prof., Academy of Xixia Studies, Ningxia University, China

Helena P. Ostrovskaia, Dr. Sci. (Philosophy), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

Stanislav M. Prozorov, Ph.D. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

Nicholas Sims-Williams, Dr. Sci. (Phil.), University of London

Andrey V. Smirnov, Member of RAS (Philosophy), Institute of Philosophy RAS, Moscow

Takata Tokio, Dr. Sci. (Phil.), Toyo Bunko, Tokyo, Japan

Irina V. Tunkina, Corresponding Member of RAS, St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

Ramil M. Valeev, Dr. Sci. (Hist.), Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

Olga V. Vasilyeva, National Library of Russia, St. Petersburg

Hartmut Walravens, Prof., Berlin State Library, Germany

Nataliya S. Yakhontova, Ph.D. Sci. (Phil.), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

IN THIS ISSUE:

PUBLICATIONS

HISTORY, PHILOSOPHY, PHILOLOGY

- Youli A. IOANNESYAN. Siyar as-Suluk* by Sayyid Kazim Rashti.
A Translation from Arabic and Persian. Part 3 5

RESEARCH WORKS

HISTORY, PHILOSOPHY, PHILOLOGY

- Iakov A. BALASHOV. Chedorlaomer Texts in the Light of New Discoveries. Part 1* 21
Sergei L. BURMISTROV. Studies in Madhyamaka Epistemology in Russian Buddhism
in the 19th and Early 20th Centuries 44
Elena V. TANONOVA. The Semantic Field of “Immortality” in the Literature of the Tamil Siddhas:
A Diachronic Lexical Analysis 59

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

TEXTOLOGY, CODICOLOGY, PALEOGRAPHY, ARCHEOGRAPHY

- Viacheslav M. RYBAKOV. Analysis of Old Chinese Administrative Terminology as a New Field*
of Research 78
Tatiana V. KLEMENTEVA. Worship of Agricultural Deities according to the Work
of Ying Shao 應劭 Fengsu Tongyi 風俗通義 (“Penetrating into the Meaning
of Traditions and Customs”) 91

COLLECTIONS AND ARCHIVES

- Ilya V. ZAYTSEV. The Tarikh from Varna Fortress (1233/1817-18)*
at the Russian Museum of Ethnography, and Its Author Izzet Molla (1786–1829) 104
Svetlana S. SABRUKOVA. Man and Landscape in B. Baradiin’s Diary Amdo-Mongolia
(1905–1907): From Route Description to a Comprehensive Analysis of the Region 111

ACADEMIC LIFE

- Anastasia M. SMIRNOVA. Conference in Memory of O.F. Akimushkin*
(St. Petersburg, February 18, 2026) 122

REVIEWS

- Primary Education of Young Adolescents (Tongmong Sönsüp). Publication of the Text, Translation,*
Commentaries by Iu.V. Boltach; Introduction by Iu.V. Boltach and E.V. Kondratyeva.
The Institute of Oriental Manuscripts RAS. St. Petersburg: Publishing House “Hyperion”,
2025. 288 pp. (Helena P. OSTROVSKAIA) 127
Mesheznikov A.V. Buddhist Sanskrit Manuscripts of Serindia. Institute
of Oriental Manuscripts RAS. Moscow: Nauka, Vostochnaya literatura, 2025. 271 pp.
(Safarali H. SHOMAKHMADOV) 131

Back cover: Fig. 1 illustrating Elena V. Tanonova’s article

Человек и ландшафт в дневнике Б. Барадийна «Амдо-Монголия» (1905–1907): от описания маршрута к комплексному анализу региона

С.С. САБРУКОВА

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO707232

Статья поступила в редакцию 30.03.2026.

Аннотация: В статье анализируются дневниковые записи Б. Барадийна (экспедиция 1905–1907 гг.). Исследуются процесс восприятия культурного ландшафта Центральной Азии и переход от полевых наблюдений к системному научному осмыслению региона. Методом синхронного сопоставления записей Б. Барадийна (1878–1937) и Г.Ц. Цыбикова (1899–1901) выявляется трансформация исследовательской позиции автора. Рассматривается описание Алашаня и подступов к Амдо, в котором анализ традиционной топонимики и легенд сочетается с характеристикой социально-экономической инфраструктуры (путей сообщения, демографии, систем связи). Показано, что в записях Б. Барадийна ландшафт предстает как целостная система, отражающая социокультурный потенциал буддийского мира в зоне соприкосновения различных культурно-исторических традиций.

Ключевые слова: Б. Барадийн, Г.Ц. Цыбиков, Алашань, Амдо, Центральная Азия, культурный ландшафт, полевой дневник, этнографическое описание, буддийская традиция, дорожная инфраструктура.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 26-18-20013 «Забытое наследие: исследование и издание неопубликованных трудов выдающихся бурятских ученых (2026–2028)».

Для цитирования: *Сабрукова С.С.* Человек и ландшафт в дневнике Б. Барадийна «Амдо-Монголия» (1905–1907): от описания маршрута к комплексному анализу региона // Письменные памятники Востока. 2026. Т. 23. № 2 (вып. 65). С. 111–121. DOI: 10.55512/WMO707232.

Об авторе: САБРУКОВА Светлана Санджиевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Отдел рукописей и документов, Институт восточных рукописей, Российская академия наук (Санкт-Петербург, Россия) (ssabrukova@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-7983-4291.

© Сабрукова С.С., 2026

Изучение историко-культурного пространства Центральной Азии в начале XX в. связано с деятельностью бурятских ученых, сочетавших методы классического востоковедения с глубоким знанием буддийской традиции. Особое место в этом ряду занимает Б.Б. Барадийн (1878–1937), экспедиция которого в Тибет (1905–1907) стала важным этапом научного освоения региона.

Статья посвящена анализу культурного ландшафта на материале неопубликованного путевого дневника Б. Барадийна «Амдо-Монголия...»¹. Актуальность исследования обусловлена введением в научный оборот ранее не задействованных фрагментов рукописи, которые позволяют по-новому взглянуть на механизмы освоения пространства исследователем в полевых условиях.

Методологическую основу исследования составляет положение И.И. Ломакиной о специфике исследовательской позиции Б. Барадийна, отличной от подходов П.К. Козлова или Ф.И. Щербатского. Статус ученого–носителя традиции и владение языками региона позволяли Б. Барадийну преодолевать дистанцию внешнего наблюдателя. В результате его путевые записи трансформируются из объективного описания в осмысленный этнографический текст, отражающий глубокую сопричастность исследователя изучаемой среде (Ломакина 2001: 165).

Экспедиция Б. Барадийна в Амдо (1905–1907) не являлась частной инициативой; ее организация входила в стратегические задачи Императорской Академии наук по налаживанию контактов с Далай-ламой XIII, находившимся в тот период в Урге. Согласно А.И. Андрееву, в начале 1905 г. в Санкт-Петербурге состоялось «частное совещание» с участием ведущих востоковедов: С.Ф. Ольденбурга, Ф.И. Щербатского, В.Л. Котвича, А.Д. Руднева и П.К. Козлова (Андреев 2006: 137). Выбор кандидатуры Б. Барадийна был обусловлен необходимостью глубокого изучения быта буддийских монастырей. Академия наук ориентировалась на статус исследователя-буддиста, чьи возможности были ранее успешно опробованы Г.Ц. Цыбиковым (1873–1930). Характеризуя этот подход, академик С.Ф. Ольденбург указывал на уникальную ценность свидетельств ученого, обладавшего, в отличие от европейских коллег, свободой доступа к буддийским святыням (Цыбиков 1981: 9).

Преемственность подходов прослеживается и в организационной структуре экспедиции. Подобно Г.Ц. Цыбикову в 1899 г., Б. Барадийн следовал установившейся практике: после остановки в Забайкалье он прибыл в Ургу, где нанял верблюдов из «обратного каравана алашанских монголов» (Цыбиков 1981: 25). Привлечение алашанских проводников обеспечивало не только безопасность, но и легитимацию пребывания исследователя в регионе. Следование традиционными маршрутами монгольских паломников и купцов позволяло Б. Барадийну фиксировать повседневную жизнь Центральной Азии в ее естественном состоянии. Таким образом, статус паломника-буддиста выступал в качестве исследовательского инструмента. Это позволило превратить путевой дневник в репрезентативный источник, где личный опыт участника экспедиции интегрирован в задачи академического востоковедения.

В статье проводится сравнительный анализ ключевых точек маршрута Г.Ц. Цыбикова (1899) и Б. Барадийна (1905–1907). Если для Г.Ц. Цыбикова местность выступала преимущественно объектом физико-географической классификации и логистики, то в записях Б. Барадийна она приобретает выраженное ценностное осмысление — от образа «семейного очага» до идеализации суровых условий пустыни Гоби. Целью работы является выявление того, как личностная идентичность и конфессиональная принадлежность исследователя трансформируют восприятие пространства, превращая описание пути из топографического перемещения в глубокие исследовательские размышления.

¹ «Амдо-Монголия. Дневник путешествия буддийского паломника бурята по Халха-Монголии, Алашани и северо-восточной окраине Тибета — Амдо. 1905–1907». Архив востоковедов ИВР РАН (АВ ИВР РАН). Шифр: Ф. 87. Оп. 1. Ед. хр. 28. Автограф, рукопись на 322 л. (пагинация полистная). Записи на русском, старомонгольском и тибетском языках.

Агинская степь: исходная точка маршрута

В отличие от официальных экспедиционных отчетов начала XX в., где начало пути фиксируется как административно-организационный акт (формирование каравана, закупка снаряжения), в дневнике Б. Барадийна отправная точка маршрута рассматривается в контексте родовой преемственности. Начало путешествия маркируется не формальным пересечением границ, а интеграцией исследователя в традиционную систему ценностей семейного круга. В записях зафиксировано сопряжение личных и коллективных смыслов поездки: для семьи Б. Барадийна (в частности, родителей и бабушки) экспедиция воспринималась не как научная командировка, а как религиозное паломничество. Исследователь отмечает: «Наши домашние провожали нас с большой радостью, что мы... отправляемся в божественную страну Тибета, чтобы поклониться тамошним святыням и принести оттуда счастье в семью»². Состав группы, в которую входили брат исследователя Жап и гебше Цугольского дацана Дензин Намжилай, подчеркивал конфессиональный характер поездки. Сопричастность близкого окружения к миссии исследователя придает дневниковым записям характер глубоко личного свидетельства.

Присутствие в экспедиции брата позволяло Барадийну сохранять связь с привычным жизненным укладом. Это превращало суровые ландшафты Центральной Азии из объекта сугубо академического интереса в пространство совместного жизненного опыта.

Первый этап экспедиции завершился прибытием в Ургу 1 октября 1905 г. Б. Барадийн фиксирует высокую динамику передвижения: расстояние в 250 верст было пройдено за 12 перегонов³. Столь интенсивный темп указывает на приоритетность достижения ключевых культурных центров региона. С этого момента Урга становится для исследователя отправной точкой в системном изучении монгольского этнокультурного пространства.

Вместе с тем прибытие в Ургу меняет и исследовательскую позицию автора. Если на начальном этапе пути (Ага–Кяхта) в записях преобладает личностно-биографический план, то после пересечения границы Монголии Б. Барадийн переходит к решению профессиональных задач, выступая как представитель академической восточной школы.

Процесс интеграции Б. Барадийна в интеллектуальную среду Урги осуществлялся через связи внутри бурятского духовного сословия. Согласно записи от 3 октября, посредником в установлении контактов выступил «молодой бурятский лама... Лодон Аюшийн гебше из Ацагатского дацана», охарактеризованный исследователем как «весьма толковый и осведомленный в буддизме человек»⁴. Именно это знакомство позволило Б. Барадийну выйти на авторитетных представителей монгольской учености, в частности на ламу Цава Дамдина⁵, у которого «новый приятель намеревался прослушать санскритскую грамматику»⁶. Таким образом, бурятское духовенство

² АВ ИВР РАН. Ф. 87. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 14.

³ Там же: л. 18.

⁴ АВ ИВР РАН. Ф. 87. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 23.

⁵ Известный монгольский философ и историк Зава (современная транскрипция его имени) Дамдин (1867–1937), автор фундаментального труда по истории распространения буддизма в Монголии под названием «Золотая книга» (Алтан дэвтэр; *Hor chos 'byung*), написанного на тибетском языке в 1991 г. (Янджинсүрэн 2025: 44).

⁶ АВ ИВР РАН. Ф. 87. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 23.

в Урге стало для Барадийна связующим звеном с местной ученой средой. Особую роль в установлении контакта сыграл тот факт, что Б. Барадийн был учеником Ф.И. Щербатского и обучался у него санскриту. Личное знакомство Цзава Дамдина с Щербатским, состоявшееся в Урге несколькими месяцами ранее, превратило Барадийна из случайного посетителя в преемника научной традиции. Это обеспечило ему доверие со стороны монгольского ученого и открыло доступ к обсуждению вопросов буддийской философии и филологии.

После кратковременного пребывания в Урге Б. Барадийн приступил к реализации следующего этапа экспедиции. В октябре 1905 г. он отправился в Ван-Курен, где в то время находилась временная резиденция Далай-ламы XIII. Эта поездка позволила исследователю войти в ближайшее окружение иерарха и в течение всей зимы 1905/06 г. вести систематические наблюдения за жизнью тибетской свиты. Как следует из дневника, пребывание в Ван-Курене стало периодом интенсивного освоения тибетского языка и детальной фиксации материальной культуры и этикета высшего тибетского духовенства⁷.

Корректировка планов экспедиции произошла еще до выезда в Ван-Курен. В октябре 1905 г. Б. Барадийн получил письмо от Ц. Жамцарано, в котором сообщалось об изменении маршрута: вместо следования в Лхасу конечной целью путешествия был определен монастырь Лавран в провинции Амдо⁸. Таким образом, пребывание в резиденции Далай-ламы рассматривалось уже как промежуточный этап, а последующий переход через Алашань стал реализацией самостоятельной программы этнографического изучения северо-восточной окраины Тибета.

Алашань: преемственность маршрута и методов исследования⁹

Переход из Внешней Монголии в Тибет через пески Алашани являлся традиционным путем, веками осваиваемым паломниками и торговыми караванами. В ноябре 1899 г. по этому маршруту проследовала экспедиция Г.Ц. Цыбикова (Цыбиков 1981: 35).

Использование уже опробованного маршрута позволило Б. Барадийну в 1906 г. сместить акцент с чисто географических описаний на систематизацию этнографических данных. В процессе движения к Алашани фиксация топографических сведений в дневнике дополняется интерпретацией категорий монгольского мировоззрения. Подобный синтез эмпирических наблюдений и аналитических размышлений трансформирует путевые заметки в репрезентативный материал для комплексного изучения региона.

Сравнительный анализ полевых записей Г.Ц. Цыбикова на идентичном участке пути выявляет доминирование прагматического аспекта, ориентированного на фик-

⁷ Там же: л. 47–183.

⁸ Там же: л. 27.

⁹ В этом и в следующем разделах фонетические расхождения в передаче топонимов (например, Пин-хуа-чэнь — Пинь-хуа-шань, Дайтун — Да-тунь-хэ, Тэнгри-даба — Тэнгриин даван и др.) обусловлены как индивидуальными особенностями транскрипции авторов, так и их опорой на разные лингвистические традиции (монгольскую, тибетскую или китайскую). В рамках данной статьи автор придерживается написания, зафиксированного в цитируемом источнике, отождествляя данные объекты как идентичные в географическом пространстве.

сацию физико-географических характеристик маршрута: качества воды, глубины колодцев и особенностей рельефа. Алашань рассматривается исследователем прежде всего как транспортный коридор, состояние которого определяло успех экспедиции.

В отличие от Г.Ц. Цыбикова, Б.Б. Барадийн смещает фокус описания с физико-географической плоскости в область субъективного восприятия пространства. Если для Г.Ц. Цыбикова ключевым параметром являются качественные характеристики ландшафта, то Б.Б. Барадийн фиксирует эмоционально-психологические аспекты пребывания в пустыне. Описания специфических состояний (например, находясь в пустыне Гоби: «Оглядываясь вокруг и вдаль — необозримая степь — океан, мертвая гробовая тишина, ни одного признака присутствия живой души. Мне невольно стало жутко в этом беспредельном степном океане...»¹⁰) придают его дневнику характер антропологического документа, в котором ландшафт рассматривается в неразрывной связи с внутренним состоянием наблюдателя. Принцип С.Ф. Ольденбурга, согласно которому исследователь обязан не просто видеть, а наблюдать там, где другие только смотрят (Ольденбург 1981: 29), находит прямое воплощение в дневниках Б. Барадийна. Академическая подготовка позволила автору перейти от полевой фиксации ландшафта к анализу этнокультурной среды, превращая путевые заметки в инструмент научного познания.

Для верификации различий в исследовательских подходах ниже представлен синхронный срез восприятия идентичных географических точек на пути в Алашань:

Географическая точка	Г. Цыбиков	Б. Барадийн
Вход в Гоби	Классификация ландшафта: «28 ноября начинается настоящая „гоби“. Монголы в характеристике местностей употребляют слова „хангай“ и „гоби“. Первым словом обозначают места, обильные растительностью и проточной водой, а вторым — безводную степь, со скудной растительностью...» (Цыбиков 1981: 35–36).	Рефлексия: 1 апреля. «Погода вполне успокоилась, и настал чудный гобийский весенний вечер... Оглядываясь вокруг и вдаль — необозримая степь — океан, мертвая гробовая тишина, ни одного признака присутствия живой души. Мне невольно стало жутко в этом беспредельном степном океане, исчезающем в гробовой тишине и полумраке наступающей ночи» ¹¹ .
Хошун Гоби Туше-гуна	Административная фиксация: 8 декабря. «Миновали по западной стороне монастыря Долон-шига-цагин сумэ, принадлежащий хошуну гобийского тушегуна тушету-ханского аймака...» (Цыбиков 1981: 36).	Естественно-научное описание: 6 апреля. «Пересекли несколько больших котловин, оставили за собой хошун Дайчин гуна и вступили в территорию хошуна Да Туше гуна или еще зовут Гоби Туше гуна (Тушет-хановского аймака). Характер местности за эти два дня

¹⁰ АВ ИВР РАН. Ф. 87. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 201.

¹¹ Там же.

		несколько изменился: вместо прежних громадных степных холмистых равнин теперь — обширные котловины, окруженные низкими каменистыми хребтами и холмиками. До сих пор горная порода гранита изменилась теперь в более известковые породы камней. Многие халхасцы больше всего разводят верблюдов, которые водились здесь во множестве» ¹² .
Стойбище алашанских проводников	Точечная локация: «21 декабря прошли мимо колодца Чахарун-худук и пришли к стойбищу нашего извозчика. Он жил в двух войлочных юртах, одна из коих представляла как бы чистую половину... а другая служила постоянным жилищем хозяев с домоладцами. Местность эта называется Гун-худук (глубокий колодец)...» (Цыбиков 1981: 37).	Хозяйственный контекст: 27 апреля. «То было стойбище наших извозчиков. Стойбище богатого алашанца постоянного характера состояло из 4-угольной загороди в виде толстых стен из кирпичеобразных затвердевших пластин скотского навоза — высотой в 3–4 сажени, а шириной в 1 аршин. Северная стена, несколько дугообразная, защищала людей и животных от ветра, а южная сторона загороди — открыта... Людское отделение, в котором помещаются юрты и кладовые в виде китайских фанз. Алашанцы с частью каравана направились к стойбищу, а нас с остальной частью каравана повели в сторону на 100 сажень от стойбища» ¹³ .

Выявленные расхождения в способах фиксации реальности служат основой для понимания специфики исследовательского метода Б. Барадийна, направленного на комплексное осмысление Алашани как целостной социокультурной системы.

Восприятие культурного пространства Алаша-ямыня

Переход Б. Барадийна через Алашань фиксирует трансформацию его роли: от участника каравана к исследователю, осуществляющему комплексное изучение региона. Сопоставление его записей с дневниками Г.Ц. Цыбикова (1899–1901) демонстрирует, как топографическая сетка маршрута наполняется у Б. Барадийна этнопсихологическим содержанием.

¹² АВ ИВР РАН. Ф. 87. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 206–207.

¹³ Там же: л. 253.

Различие в исследовательских ракурсах проявляется в переходе от фиксации физико-географических объектов к анализу культурной географии. Для Г.Ц. Цыбикова Алашань предстает прежде всего системой координат и административных единиц. Он описывает город Алаша-ямын¹⁴ (Динъюаньин) как стратегический пункт, ограничиваясь лаконичной справкой: «В 30 верстах на юго-восток от города... находится монастырь Барун-хит¹⁵, известный усыпальницей шестого далай-ламы¹⁶» (Цыбиков 1981: 39).

Для Барадийна местность — это пространство памяти, где каждое название связано с преданием. Описывая Шангийин-далай, он отмечает: «Говорят, что это название дал 6-й Далай-лама...»¹⁷. Здесь ландшафт перестает быть просто рельефом и становится частью биографии святого. В отличие от Цыбикова, Барадийн фиксирует живую устную традицию, превращая путевой дневник в ценный этнографический источник. Приведенная им легенда о монастыре Цокто-хуре и «молодом страннике», избитом за незнание монгольского этикета, вскрывает важный для автора пласт: «Странник не мог как следует по-монгольски поздороваться... [Им] был не кто иной, как 6-й Далай-лама»¹⁸.

Данный эпизод демонстрирует специфику исследовательского подхода Б. Барадийна: он рассматривает Алашань как пространство, где высокая буддийская традиция органично сопряжена с суровым кочевым бытом.

Завершая описание региона, Б. Барадийн переходит от путевых наблюдений к научному синтезу, который практически отсутствует в дневниках его предшественников. Он классифицирует духовную инфраструктуру Алашани, фиксируя наличие 20 монастырей и выделяя их интеллектуальную специфику: «Самые значительные из них *Barun xiud* и *Zün xiud*¹⁹... В обоих — по цанидской школе Жамьян Шадбы²⁰... Там же покоится алашанская святыня — мощи 6-го Далай-ламы»²¹.

Б. Барадийн фиксирует отсутствие системы «цанид»²² в малых монастырях Алашани, анализируя таким образом интеллектуальный ландшафт. В отличие от Г. Цыбикова, Барадийн делает Алашань самостоятельным объектом исследования, рассматривая ее как хранителя особой линии преемственности Далай-ламы VI.

Для сравнения подходов Г.Ц. Цыбикова и Б. Барадийна важно сопоставить их записи на финальном отрезке пути к Амдо. Несмотря на разницу в шесть лет (1900

¹⁴ В настоящее время известен как Баян-хото, административный центр хошуна Алашань-Цзоци (Внутренняя Монголия, КНР).

¹⁵ До наших дней монастырь Барун-хит (Барун-хийд; *Barun xiud*) в Алашаньском аймаке (Внутренняя Монголия, КНР) не сохранился в первоначальном виде.

¹⁶ Цаньян Джамцо, Далай-лама VI (1682–1706), родился в южном Тибете, в области Монъюл (Кычанов, Савицкий 1975: 91).

¹⁷ АВ ИВР РАН. Ф. 87. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 275.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Исторически существовали два крупных буддийских монастыря — Барун-хийд (западный) и Зюн-хийд (центральный, или средний), — игравшие важную роль в религиозной и культурной жизни региона. До настоящего времени не сохранились.

²⁰ Учебник «Ум и знание», написанный Кунчен Чжамьян-шэпой (1648–1722) для философского колледжа Гоман монастыря Дрэпун, использовался также во многих других монастырях в Тибете и за его пределами: в Монголии, Бурятии и Калмыкии (Крапивина 2005: 17).

²¹ АВ ИВР РАН. Ф. 87. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 291.

²² «Основные предметы для всех философских колледжей монастырей-университетов школы гэлук были одни и те же, но учебные руководства различаются по некоторым внутридоктринальным акцентам...» (Крапивина 2005: 8).

и 1906 гг.), их маршруты практически идентичны. Однако описание одних и тех же мест обнаруживает существенное различие: если Г.Ц. Цыбиков фиксирует внешние факты, то Б. Барадийн переходит к анализу жизненного уклада и культурной среды. В представленной ниже таблице показано, как географические ориентиры становятся для Барадийна основой для изучения общества и экономики региона.

Сравнительный анализ восприятия маршрута:
Г.Ц. Цыбиков (1900) и Б. Барадийн (1906)

Точка пути	Г.Ц. Цыбиков: описательный подход	Б. Барадийн: аналитический подход	Аналитический акцент
Застава (Ванджадинь)	«12 января перешли через заставу Са-ян-чжин, где для проходящих установлена пошлина...» (Цыбиков 1981: 41).	«26 мая. Харчевня со-держалась китайским крестьянином и представляла из себя обыкновенную китайскую глиняную фанзу...» ²³ .	Переход от фиксации административного контроля к изучению этнического быта.
Окрестности Пин-хуа-чэнь	«15–16 января. Здешние места еще не успели заселиться после мусульманского разорения... бывшие нивы заросли густой травой... монголы и тангуты город Пин-хуа-чэнь называют Чжон-луном» (Там же).	«30 мая. Спустившись по длинной пади до 20 верст, мы достигли города Пинь-хуа-шань, или, как называют монголы, Джанлун хото... Жителей китайцев и дунган доходит, по личному впечатлению, до 30 тысяч человек. Через этот город проходят телеграф и трактовая дорога из китайского Туркестана в Пекин. Торговля, довольно оживленная...» ²⁴ .	Сдвиг от описания последствий конфликта к анализу демографического и экономического роста.
Река Датунхэ (Дайтун)	«18 января перешли по льду через реку Дайтун...» (Там же).	«2 июня. Переехали на карбузе, движущемся по канату... За перевоз с алашанцев брали по 155 чжосов» ²⁵ .	Зима, лето, разные способы переправы.
Подножие Тэнгри-даба	«19 января — первый день китайского нового года... поздравили друг друга, обме-	«2–3 июня. Остановились ночлегом... в чистом постоялом дворе — у самого подножия	Смена акцента с экстремального выживания зимой (Цыби-

²³ АВ ИВР РАН. Ф. 87. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 303.

²⁴ Там же: л. 309.

²⁵ Там же: л. 311.

	ниваясь табакерками» (Там же).	перевала Тэнгриин даван» ²⁶ .	ков) на эстетическое созерцание и этнографическую фиксацию летнего ландшафта (Барадийн).
--	--------------------------------	--	--

Сопоставительный анализ подтверждает, что в дневнике Б. Барадийна ландшафт перестает быть исключительно физическим пространством паломнического пути. Через детальную фиксацию экономики переправ, демографических показателей и быта постоянных дворов исследователь реализует новый аналитический подход. Если записи Г.Ц. Цыбикова носили характер первоначального освоения и картографирования маршрута, то работа Б. Барадийна представляет собой системную инвентаризацию социально-экономического и культурного потенциала региона на стыке монгольской, китайской и тибетской традиций. Глубокое изучение приграничных территорий предопределило масштаб дальнейших этнографических изысканий автора в монастыре Лавран и за перевалом Тэнгри-даба.

* * *

Проведенный сравнительный анализ путевых дневников Б. Барадийна и Г.Ц. Цыбикова на маршруте Алашань — Амдо позволяет сделать ряд выводов о развитии методов отечественного востоковедения в начале XX в.

Во-первых, установлено, что статус паломника-буддиста в экспедиции Б. Барадийна (1905–1907) был не только формой обеспечения безопасности, но и осознанным исследовательским инструментом. Если для Г.Ц. Цыбикова (1899–1901) этот статус являлся прежде всего залогом свободы доступа в закрытые районы, то для Б. Барадийна он стал основой для глубокого анализа социокультурного пространства региона.

Во-вторых, выявлена трансформация в способах описания ландшафта: от административно-географической фиксации у Г.Ц. Цыбикова к комплексному антропологическому восприятию у Б. Барадийна. В дневнике последнего географические объекты рассматриваются через призму традиционной топонимики (предания о Далай-ламе VI) и этнографических деталей, что превращает транзитный маршрут в самостоятельный объект изучения.

В-третьих, сопоставление идентичных маршрутов показало, что научная новизна работы Б. Барадийна заключается в информационном насыщении уже известных путей.

Опираясь на предшествующее описание Г.Ц. Цыбикова, Б. Барадийн получил возможность сосредоточиться на детальной фиксации быта и культуры монголов, что позволило ему дополнить маршрутную сетку глубоким этнографическим содержанием.

Внимание к объектам инфраструктуры (переправы на р. Датунхэ, системы связи) в сочетании с анализом религиозных институтов (школа Жамьян Шадбы) знаменует переход от первичного описания Центральной Азии к ее системному научному синтезу.

²⁶ Там же: л. 312.

Таким образом, дневник «Амдо-Монголия...» фиксирует качественное изменение типа исследователя: от путешественника-первопроходца к ученому, для которого изучение Тибета и Монголии стало опытом глубокого межкультурного диалога и интеграции в интеллектуальную традицию Востока.

Литература

- Андреев 2006 — *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд-во СПбГУ; Изд-во А. Терентьева «Нартанг», 2006.
- Крапивина 2005 — *Крапивина Р.Н.* Ум и знание. Традиция изучения теории познания в Гоман-дацане тибетского монастыря Дрэпун. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.
- Кычанов, Савицкий 1975 — *Кычанов Е.И., Савицкий Л.С.* Люди и боги страны снегов. М.: Наука, 1975.
- Ломакина 2001 — *Ломакина И.И.* Великий беглец. Документальная повесть. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2001. С. 165.
- Ольденбург 1981 — *Ольденбург С.Ф.* От редакции // *Цыбиков Г.Ц.* Избранные труды. Т. 1. Буддист-паломник у святынь Тибета. Новосибирск: Наука, 1981. С. 29–30.
- Цыбиков 1981 — *Цыбиков Г.Ц.* Избранные труды. Т. 1. Буддист-паломник у святынь Тибета. Новосибирск: Наука, 1981.
- Янджинсүрэн 2025 — *Янджинсүрэн С.* История буддизма в Монголии в произведениях Завы Дамдины (1867–1937) // *Ориенталистика*. 2025. Т. 8. № 1. С. 44–59.

References

- Andreev, Alexander I. *Tibet v politike tsarskoi, sovetskoi i postsovetskoi Rossii* [Tibet in the Politics of Tsarist, Soviet and Post-Soviet Russia]. St. Petersburg: Izdatel'stvo St. Peterburgskogo universiteta; Izdatel'stvo A. Terent'eva "Nartang", 2006 (in Russian).
- Krapivina, Raisa N. *Um i znanie. Traditsiia izucheniiia teorii poznaniia v Goman-datsane tibetskogo monastyria Drepun* [The Mind and Knowledge. The Tradition of Studying the Theory of Cognition in the Gomang-datsan of the Tibetan Monastery Drepung]. St. Petersburg: Izdatel'stvo St. Peterburgskogo universiteta, 2005 (in Russian).
- Kychanov, Evgenii I. & Savitskii, Lev S. *Liudi i bogi strany snegov* [People and Gods of the Land of Snows]. Moscow: Nauka, 1975 (in Russian).
- Lomakina, Inessa I. *Velikii beglets. Dokumental'naia povest'* [The Great Fugitive. A Documentary Story]. Moscow: Dizain. Informatsiia. Kartografiia, 2001 (in Russian).
- Ol'denburg, Sergei F. "Ot redaktsii" [From the Editor]. In: Tsybikov G.Ts. *Izbrannye trudy. T. 1. Buddist-palomnik u sviatyn' Tibeta* [Selected Works. Vol. 1. A Buddhist Pilgrim at the Shrines of Tibet]. Novosibirsk: Nauka, 1981, pp. 29–30 (in Russian).
- Tsybikov, Gombojab Ts. *Izbrannye trudy. Vol. 1. Buddist-palomnik u sviatyn' Tibeta* [Selected Works. Vol. 1. A Buddhist Pilgrim at the Shrines of Tibet]. Novosibirsk: Nauka, 1981 (in Russian).
- Yandjinsuren Sodnomdoriyn. "Istoriia buddizma v Mongolii v proizvedeniiakh Zava Damdina (1867–1937)" [The History of Buddhism in Mongolia in the Works of Zav Damdin (1867–1937)]. *Orientalistica*, 2025, vol. 8, no. 1, pp. 44–59 (in Russian).

Man and Landscape in B. Baradiin's Diary *Amdo-Mongolia* (1905–1907): From Route Description to a Comprehensive Analysis of the Region

Svetlana S. SABRUKOVA

Institute of Oriental Manuscripts RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 30.03.2026.

Abstract: The article analyzes B. Baradiin's diary entries during his expedition of 1905–1907. It explores his perception of the cultural landscape of Central Asia and the transition from field observations to a systematic scientific understanding of the region. Through a synchronous comparison of the records made by B. Baradiin and G.Ts. Tsybikov (1899–1901), the transformation of the author's research perspective is revealed. The study examines the description of Alashan and of the approaches to Amdo, where analysis of traditional toponymy and legends is combined with characteristics of the socio-economic infrastructure (transport routes, demographics, communication systems). It is shown that, in B. Baradiin's records, the landscape appears as an integral system reflecting the socio-cultural potential of the Buddhist world in a zone of contact between various cultural and historical traditions.

Key words: B. Baradiin, G.Ts. Tsybikov, Alashan, Amdo, Central Asia, cultural landscape, field diary, ethnographic description, Buddhist tradition, road infrastructure.

Acknowledgments: The Russian Science Foundation, grant No. 26-18-20013, supported this research "Forgotten Heritage: Research and Publication of Unpublished Works by Outstanding Buryat Scientists (2026–2028)".

For citation: Sabrukova, Svetlana S. "Man and Landscape in B. Baradiin's Diary *Amdo-Mongolia* (1905–1907): From Route Description to a Comprehensive Analysis of the Region". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2026, vol. 23, no. 2 (iss. 65), pp. 111–121 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO707232.

About the author: Svetlana S. SABRUKOVA, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, Department of Manuscripts and Documents, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (ssabrukova@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-7983-4291.